

Замчалов Григорий Емельянович

Садок. Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Емельянович З.**
Садок. Рассказ / Замчалов Григорий Емельянович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-85627-0

ISBN 978-5-519-85627-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

У нас в школе печка испортилась. Как раз, когда первый мороз ударил. Учитель задал нам работу — написать про церковь — какой от нее вред — и распустил на три дня. Я пришел домой, есть охота — собаку бы съел живьем, а у нас одна картошка да тыква пареная. Да и картошки мало.

После обеда я сел было работу писать, а у меня на уме все только еда: пироги с печёнкой, щи, мясо. Так и бросил. Хотел на улицу итти, смотрю: Пашка идет.

— Гришка, пойдем на озеро, юлу пускать.

— А ты работу писал?

— Какую работу?

— Да про попов-то — какой от них вред?

— А, эту! Нет еще, завтра буду. Ты приходи к нам утром. Мамка к обедне пойдет, а мы будем писать.

— Ладно.

Пошли мы на озеро и стали играть на льду. А там недалечко садок был. Прорубь, и кругом нее стеночкой камыш. Мы и не знали, чей он. Садок и садок — нам-то какое дело? Юла у нас тяжелая была, со свинцом. Мы поиграли немножко и устали, все руки отмотали. Я говорю:

— Давай тогда бросим. Лучше покатаемся.

— А на чем?

— На ногах.

— На ногах сапоги больно рвутся. Давай еще так немножко, юлой.

Он отбежал от меня подальше и крикнул:

— Пускаю! Гляди!

И пустил. Только когда размахивался, у него рука сорвалась, и юла пошла вбок, прямо к садку. Долетела до него, сквозь камыш вжикнула — и нет ее. Пашка изо всех сил закричал мне:

— Лови! Скорей лови, а то под лед пойдет!

Я побежал к садку. Разлетелся, как машина, и остановиться не мог: лед скользкий, ноги на нем сами катятся, а я на них только смотрю. Докатился до камыша — раз! — загородка сломалась, и я чуть в прорубь не угодил. На самом краю растянулся.

Пашка подбежал, спрашивает:

— Ну, что? Достал?

— Какой там достал! Сам чуть не утопился.

— А как же юла-то?

— Да сейчас достанем твою юлу. Уж испугался.

Юла вся ушла под лед, только конец самый чуть видно было. Мы ее насилу-насилу достали. Прорубь широкая, а края водой залиты — никак не подступишься.

Вышли из камыша, навстречу нам Степочка толстый.

— Вы чего тут делаете?

— Мы ничего, мы только юлу доставали.

— А это кто камыш поломал, а? Шляетесь вы тут, треклятые. Вот я вас...

Пашка стрельнул от него, как ошпаренный. А я думал, он нарочно это, и не побежал. Смотрю — Степочка прыгнул ко мне и цап за ухо! Как щипцами все равно, у меня аж хрустнуло что-то в ухе.

— Ага, сатаненок, попался! Пойдем к матери, она те побалуует.

Рука, которой он держал меня за ухо, тряслась и все больней сжималась. Я было просить:

— Дядя Степан, пусти. Ведь не виноваты же мы — вон спроси Пашку.

А он сопит, как спросонья, и тащит меня за ухо.

Пашка шел поодаль от нас. Вдруг он бросился к Степochке:

— Дядя Степан, я знаю, кто это сломал. Я видел.

Степochка остановился.

— Кто?

Пашка с разбега ударился об него грудью. Он покачнулся и выпустил мое ухо. Мы с Пашкой скорей бежать. Он было погнался за нами, да не догнал.

У меня до самого села горело ухо, и было больно до него дотронуться. Я злился, злился на Степochку, потом придумал:

— Пашка, давай у него всю рыбу выловим из садка.

— Ну его, еще поймает.

— А мы рано, когда он у заутрени будет. Он богомольный. Мамка сказывала, он раньше в лавочке торговал и людей надувал. Вот он теперь и отмаливает.

— Ну, давай!..

Вечером я сбегал к дяде Петьке и выпросил у него черпак. Пришел домой — наши ужинают, опять тыкву едят. Сестренка младшая, Фроська, морщится и хнычет:

— Мама, я не хочу ее, она кислая.

Я сел за стол и говорю:

— Мама, ты нам завтра рыбы свари.

— Да где ее взять-то, сынок?

— А ты купи.

— На какие это шиши?

— Ну, тогда я сам куплю.

— Не болтай зря, ешь вот, что дают...

А об рыбе будешь думать, когда сам наловишь иль денег заработаешь.

— Не всришь, да, мама? Ну вот завтра увидишь. Ты только разбуди меня пораньше.

А сй и будить не пришлось: я сам проснулся. Спал, спал и вдруг проснулся, как по заказу. Поглядел с печки в окно — темно. Хоть зажмуришься, хоть нет, все равно ничего не видно. И не знаю: не то еще вечер, не то уж светать скоро будет.

Слез, оделся в темноте и вышел. Мамка и не слыхала даже. Черпак и ведро у меня в сенях были припасены.

За ночь навалило снегу и здорово подморозило. Снег скрипел под ногами на всю улицу, а мне это на-руку было: как будто вдвоем с кем-нибудь идешь. А то одному по такой темноте тоже не очень-то сладко.

Пашкина изба на юру стоит. Возле нее намело сугроб вровень с завалиной. Я кое-как пробрался через него к окну и тихонько постучал, как мы уговорились с ним. Немного погодя стукнули ворота, и он вышел.

— Гришка, я не пойду.

— А что?

— Холодно очень, замерзнем.

— Где холодно? Погляди: я без варежек. Идем.

— Нет, не пойду. Лучше один ступай.

— Да ты что, боишься, что ли?

— Не боюсь. а... все-таки страшно. Один мужик пошел вот так на чужую бахчу, хотел немного арбузов нарвать, а у него ноги отнялись.

— Кто это тебе рассказал? Бабушка?

— Она в церкви слыхала, поп говорил. Я хоть и не верю, а все-таки... что, если правда?

Так и не пошел. Я, когда остался один, постоял немного, подумал и тоже повернул назад. Одному разве можно ночью? Озеро у нас внизу под горой. Поймает Степочка, что тогда? Еще убьет, правда ведь?

Дошел до своей избы, уж ворота открыл, и вдруг вспомнил про наших, как я им нахвастал про рыбу. Утром мамка спросит, а мне и сказать нечего. Нет, надо итти, хоть поймает, хоть убьет — все равно надо.

Пока спускался к озеру и потом шел по льду, я старался, чтобы не думать. Только мне подумается про Степочку, я сейчас же нарочно вслух говорю:

— Вот дурак Пашка! Не пошел — без рыбы останется. А вовсе и не холодно.

Или про наших сам с собой разговариваю, про рыбу, про школу. И, главное, все время топаю ногами сильнее, чтобы снег скрипел.

Камыши у садка облепило снегом, и я чуть не прошел мимо. Только по сломанной стенке заметил: прорубь в этом месте черным пятном выступала. Я хотел перешагнуть в пролом и скорей начать ловить, но в самый этот момент мне пришло в голову: да зачем же в чужой садок лазить? Есть же другие

проруби, ничьи. В такую рань и в них может пойматься. Не так хоть много, как в садке, да мне что, тысячу кило, что ли, надо? На обед хватит, и ладно.

Я даже остановился от этого. Вот, думаю, сам ругал Пашку, а сам не лучше его дурак: чуть домой не вернулся от страха, а все зря.

Тут закрипел снег. Что такое? Я стою на месте, а он скрипит. Прислушался — тихо. Должно быть показалось. Стал обходить садок — опять закрипело, сразу в двух местах: и мои шаги слышно, и в другом месте тоже будто шаги. Остановился — и там затихло. Но с другой стороны, над камышом, поднялось черное, не разберешь что. У меня выпало из рук ведро, и загремела ручка. Сейчас же за этим совсем явственно затопали шаги. Я кинулся бежать, поскользнулся, упал и закричал, что было духу:

— Дядя Степан, я больше не буду! Дяденька, прости, я...

Полежал немного, вижу — никто не убивает, и ничего не видно. Поднял голову — стоит недалеко, вроде человека. Потом двинулось ко мне.

— Ты кто такой?

— Я — Гришка.

— Ах ты, шут тебя возьми, напугал как.

— Я думал это...

И запнулся. Я слышу — голос не Степочкин. У того голос как у быка, а этот на бабий похож. Я будто слышал его где-то, а где — не знаю.

— А ты кто?

— Я... ты не знаешь меня, я с другого конца. Андрей Макаров, может слышал?

Я обрадовался, встал и побежал к нему.

— Ты тоже за рыбой?

— Да. У меня, видишь, старуха захворала. Просит рыбки, а где мне ее взять? Живем мы бедно, денег нет...

— Вот и мы тоже. Все тыква да тыква, аж живот с нее болит.

Андрей стоял теперь совсем близко от меня. Я старался разглядеть, какой он есть, и не мог. Либо он чересчур закутан был, либо мне от темноты так казалось — будто он из мешков весь сделан: сам, как куль черный с углем; вместо рук и ног по мешочку узенькому; вместо головы — тоже мешок, только короткий и широкий.